

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Заврин Даниил

Черное и Белое

Даниил Заврин Черное и Белое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49764311

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08123-9

Аннотация

Прошу тебя читатель, не воспринимай это как противостояние церкви и греха, ведь кто не грешен, пусть первым бросит в меня камень. Рисунок Бориса Гроха. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	4
Двое	4
Разные взгляды	11
Просто ночь	17
Старший	23
Мастер мастером погоняет	29
Церковный доктор	35
Любовь к ближнему	41
Изгнание	48
Участок	55
Святые очи	63
Мракобесие, свет, тюльпан	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Даниил Заврин

Черное и Белое

Часть первая

Двое

Крик, раздавшийся среди ночи, был не столько громким или долгим – нет, он был скорее запоминающимся и резким, удачно соответствуя словосочетанию «рвать глотку». А потом он оборвался, чтобы через пару секунд продолжиться снова. И так по нарастающей. Пока наконец не засветились почти все окна дома номер двадцать на Воскресенской улице.

Затем слышались женские крики, куда более привычные человеческому уху. И так около часа, пока наконец возле дома не остановилась черная машина с изящными белыми полосками по бокам. Пассажиров было немного. Всего три человека. Но зато какие!

Самый высокий из них носил простую, удобную одежду, несколько напоминавшую военную, судя по всему сшитую на заказ. Мужчина был строен, коротко стрижен, крепок и, со стороны казалось, что чуть ли не на голову выше двух дру-

гих, куда более скромных по габаритам. Выйдя из машины, он посмотрел вверх и по сторонам. Потом жестом сделал знак, чтобы вышли остальные двое. К слову сказать, он выполнял ещё и роль водителя. К несомненно имеющейся роли охранника.

Второй был, как уже сказано, поменьше, но зато куда интереснее. Хотя бы по той причине, что носил монашескую рясу, только не православную, как все привыкли, а с белым воротничком, который выдавал в нем католического священника. Открыв двери, он также посмотрел по сторонам, но прикрывать их не стал, видимо, выпуская последнего члена экипажа. И, наверное, самого странного из всех.

Невысокий, худой, с взъерошенными волосами, татуированный – он даже впотьмах создавал неприятное ощущение свечения, от которого хотелось закрыться. Более того, казалось, что от него идет какой-то непонятный пар, никак не сочетающийся с привычным понятием человеческой природы. И все же это был именно человек. С двумя руками, ногами, разве что неприятный. С такой поганенькой аурой.

Снова раздался крик – женский, прибавивший несколько включенных окон. Потом тишину разорвал ещё и уже знакомый нечеловеческий, потом снова женский и наконец они слились воедино, доводя ситуацию с ночным покоем спального района до полного абсурда.

И священник, и охранник намек уловили быстро, точнее, не столько охранник, сколько священник, который яв-

но захотел подняться. Но вот чёрт, а именно это слово больше всего подходило к этому татуированному, невысокому взъерошенному брюнету, явно не торопился. Более того, он демонстративно закурил, добавляя большое облако в ночную, летнюю жару. Священник с хлопком закрыл двери и быстро подошел к своему то ли напарнику, то ли помощнику, то ли черт знает к кому.

Выслушав первый заход церковника, взъерошенный лишь покачал головой, что— то возразил, но сигарету не бросил, продолжая демонстративно украшать темноту огненным кончиком и явно наслаждаясь процессом. Но опять же, судя по всему, священника он побаивался, так как себя, в отличие от него, вел куда более сдержанно. Оставалось непонятным лишь почему в это не вмешивается охранник, стоявший неподалеку. Ведь, исходя из комплекции, заставлять кого-либо что-то делать должен был именно он.

Тем временем сигарета лохматого потухла. Ровно как и ощущение стабильности, так как возобновившиеся крики уже начинали понемногу сводить с ума. Больно уж противные, нестандартные, такие какие не должны быть в спальнях районах. Даже можно сказать откровенные.

Тут двери подъезда открылись, и все три бойца вошли внутрь, медленно поднимаясь на нужный этаж. Первым шел охранник, вторым – священник. Третьим чертыхающийся татуированный брюнет, никак не желавший мириться с отсутствием нормального, работающего лифта.

Крики наконец стихли. Причем ровно в тот момент, когда все трое вышли на небольшую площадку перед дверью. Охранник позвонил в дверь – тишина. Он постучал. Снова тишина. Черт развел руками и, вопросительно посмотрев на остальных, потянулся за ещё одной сигаретой. Только вот священник не дремал и, моментально перехватив руку, заставил курильщика скривиться от боли. Взвизгнув, черт выдернул её, прошипев что-то явно ругательное.

Тут двери открылись, и на пороге показалась взлохмаченная седая бабка, испуганно переводящая взгляд то на одного, то на второго, то на третьего. Потирая несчастную руку, татуированный черт недолго думая вошел внутрь, заставив несчастную старуху прижаться к двери. Но даже не столь резкое хамство сыграло здесь роль, нет. Больше всего внимание ушло на слабый пар, идущий от этого невысокого, злого человека.

Священник по-доброму улыбнулся и положил руку на плечо женщине. В его глазах читались умиротворение, смиренность, желание помочь. Он словно практиковался в таких взглядах каждый день – настолько эффективно это подействовало на старуху, сразу же переставшую следить за чертом, прошедшим внутрь её «квартирных покоев».

Сверху послышался шум. Открылись «любопытные» двери. И охранник, до этого не принимающий никакого участия, тут же выполнил несколько простых, но очень эффективных трюков. Таких как захлопывание «любопытных»

дверей ногой и звучная команда наверх, упреждающая о неправильном трактовании собственных сил, в данной ситуации. Эти два действия были выполнены почти одновременно и филигранно четко, сразу же произведя необходимый эффект.

Снова раздались крики. Снова нечеловеческий, только куда более сильный, чем в тот раз, когда все трое стояли на улице и куда сильнее того, что был вначале. Исполнителю явно было больно, и метнувшая напуганный взгляд женщина хотела было ринуться внутрь, но священник галантно, но в то же время твердо удержал ее, привычно мягко улыбаясь.

Слова. Они были подобны колыбельной, исходя из его уст. Он был сдержан, спокоен, мягок в исполнении и главное – не давал её взгляду гулять. Таких священников, судя по всему, очень мало, раз они приезжают из заграницы. Ведь католиков в России нет. А ещё он знал русский и знал хорошо, так как старуха периодически кивала, полностью попав под его умиротворяющую власть.

А тем временем крик, доносившийся из глубин квартиры, резко изменился, перейдя на привычный женский. Священник ослабил хватку, и старуха побежала внутрь, едва не сбив невысокого черного парня, возвращавшегося из квартиры.

Потный, со слипшимися волосами, он устало облокотился о стену, шаря по карманам в поисках привычной заразы. Священник не мешал – ждал, с интересом его разглядывая. Татуированный, уловив его взгляд, оскалился, но, найдя си-

гарету, отвлекся, с невероятной жадной поднося её ко рту. Священник вытащил зажигалку и помог прикурить.

Черт блаженно затаился. Казалось, что это было единственным к чему он всё это время стремился, плавно отдаляясь и от подъезда, и от своих напарников, и от женщины со старухой с их кричащими проблемами. Прикурить – вот чего он жаждал более всего на свете. По крайней мере, сейчас.

Священник ждал. Потом посмотрел на охранника. Тот указал на часы. Блондин, а цвет волос у священника был именно такой, кивнул. Словно достучаться до черта мог лишь он, а не этот здоровенный мужик-охранник, из-под кожаной куртки которого торчал пистолет.

Наконец татуированный закончил. И, обходя католика, стал медленно спускаться по ступенькам. Видимо, он выполнил свою работу и пришло время возвращаться домой, где бы он у него ни был. Священник пошел следом, ни на секунду не выпуская его из виду.

Снова раздались крики. И священник, и охранник тут же оглянулись, увидев уже знакомую старуху, вышедшую в коридор. Проклятия, проклятия и ещё раз проклятия – вот что посыпалось из неё. Охраннику даже пришлось стать между ней и священником, вмиг изменившим умиротворённое лицо на озабоченность. Старуха явно хотела крови и явно не своей. Только вот помочь бабке никто в её беде не мог. Это читалось во взгляде обоих, с той лишь разницей, что охранник выражал это грубо, а священник мягко, оставив своему

подопечному шанс уладить возникшую проблему самому.

Выйдя на улицу, два странных человека остановились у машины. Судя по всему, они не очень ладили, так как перепалка, вспыхнувшая между ними, была им явно привычна. Только вот теперь их было всего двое, и это как-то играло на руку черту. Он то и дело задумчиво посматривал в сторону, словно что-то чувствуя. Наконец на это обратил внимание и священник. Глаза его сузились, так как он не привык видеть в темноте. Мгновение. Еще. И вот из темноты даже он смог выхватить двух качающихся мужчин, явно нетрезвых и явно ищущих приключений. Взъерошенный весело захлопал и злорадно улыбнулся, очевидно понимая, что раздражение вызывает не он, а белый воротничок на шее у католика.

Священник смиренно вздохнул, но отходить не стал. Он хоть и был небольшого роста и заметно уступал охраннику, но, видимо, не привык отступать, и, видимо, именно по этой причине мог оказывать такое давление, на этого разрисованного, плохо воспитанного, курящего и сверкающего огоньками хитрых глаз напарника, премило улыбающегося этой, невесть откуда взявшейся, тройце алкашей.

Разные взгляды

– Ну что, Ипполит, что будешь делать? – спросил взъерошенный, положив руку на машину. – Словом господним посрамишь иродов?

– От убеждения всегда польза есть, – спокойно ответил священник и посмотрел на алкоголиков: – все мы дети господа.

– Ты что несешь? – выругался один из алкоголиков, судя по всему, являющийся главным в этой шайке. – Какой господь?

– С этим я согласен, – вздохнул взъерошенный и, вытащив сигарету, подсветил огоньком тьму. – С ним сейчас не связаться.

– А ну заткнись! – рявкнул лидер алкогольной команды и снова обратился к священнику: – У тебя серебряный крест, отдай его.

– Я не могу. Это достояние церкви. Но если вам нужна еда, то я могу помочь вам.

– Как же все нелепо, – покачал головой взъерошенный. – Ребят, дайте ему уже по башке да проваливайте. Ей богу, у меня отвратительное настроение. И очень неприятное самочувствие.

– Ты их не тронешь, – спокойно сказал священник и, посмотрев на взъерошенного, добавил: – демон.

– Я не демон, – хмыкнул взъерошенный. – Если ты чего-то не понимаешь, не надо вешать ярлыки.

– Так. Хватит! – оборвал их алкоголик и протянул руку: – Давай крест.

– Послушайте.

– Да бей его, – не выдержал его собутыльник, выдвигаясь из темноты.

Но избить священника не вышло. Охранник, который к тому моменту, видимо, освободился от диалога с нервной жительницей Воскресенской улицы, одним ударом положил предприимчивого тунеядца на асфальт, вынудив двух других спешно ретироваться. Татуированный одобрительно цокнул, выпустив облако дыма.

– Да, Семен, сразу виден опыт, – тихо сказал он. – Ну что мы едем или нет? Или нам тут всю ночь торчать?

– Надо ему помочь.

– Какой невыносимый поп. Ты хоть раз можешь действовать по инструкции. Где там написано, что мы должны всем помогать?

– Для этого не нужна инструкция, – спокойно ответил священник, присаживаясь над потерпевшим.

– Сделай ему искусственное дыхание. Заодно и выпьешь.

– Не богохульствуй, демон, – священник грозно посмотрел в его сторону. – Иначе сам знаешь...

– Да-да, только и знаешь, как меня херачить. Семен, заводи. Или ты тоже будешь лечить алкаша?

– Артур Вениаминович, я не могу без его святейшества уехать. Вы сами знаете. Давайте подождем. Я уверен – это быстро. Его надо просто перевернуть. И все. Вы же видели. Я не сильно.

– Ты ему челюсть сломал, – хмуро заметил священник.

– Точнее, не очень сильно, – поправился Семен.

– Я с вами с ума сойду, – прошипел Артур.

– Надо будет доложить о нём, – задумчиво сказал Ипполит. – Уверен: плата за лечение поможет ему найти путь к хорошему.

– К алкоголю. Ему это поможет найти путь. Боже, что ты несешь?

– Не богохульствуй, я предупреждал! – рявкнул священник и поднял руку с крестом. – Ты знаешь, что бывает, когда ты это делаешь...

– Да как ты меня достал! У тебя с головой не в порядке. Ты понимаешь, что нам ехать надо, а не орать посреди улицы?! Идиот! Как меня вообще с тобой в смену поставили? Дурак!

– На то было провидение божье.

– Понос у Ивана был на то, а не провидение. Если бы его не пронесло, хрен бы я с тобой приехал.

– Все же не обойтись тебе без урока, демон, – сказал священник, наматывая на руку крест.

– Ах ты сволочь! Но... Но ты не имеешь права! Я выполнил свою работу! Тварь! – замахал руками Артур и тут же схватился за голову. – Ах ты тварь, остановись!

Но священника было не остановить. Он уже вошел во вкус молитвы и с каждым словом все сильнее и сильнее заставлял татуированного подгибаться в коленях, прижимаясь к земле, обхватив голову руками.

Семен настороженно посмотрел по сторонам. Крик взъерошенного не остался незамеченным и то и дело стали появляться любопытствующие. Он резко положил руку на крест, предотвратив дальнейшие мучения Артура.

– Ваше святейшество, не сейчас. Люди просыпаются. Надо ехать. Не то всех разбудим.

– Люди? – Ипполит посмотрел на окна. – Им давно пора узнать правду. Этим людям.

– Но у меня есть инструкция. Для таких случаев, – возразил охранник.

– Да пусть оторвется. Что ублюдок, жажда крови замучила? Давай, покажи, что есть, – вытирая кровь у носа, подзадорил Артур. – Тебе же нравится это.

– Я делаю то, что должен. И думаю, с тебя хватит на сегодня.

– Да если бы не я, хрен бы ты что тут сделал, – сплюнул кровавую слюну Артур. – Всем, кроме меня, насрать на твои силы. Скажи спасибо Семену, иначе ты бы асфальт целовал.

– Надо ехать. Прошу вас, – повторил свою просьбу Семен.

– Как скажешь, – сказал священник и, как ни в чём не бывало, подошел к задней двери машины и открыл её: – Прошу.

Взъерошенный устало принял предложение и, завалив-

шись на заднее сидение, моментально уснул. Священник же закрыл дверь и сел рядом с водителем. Быстро оббежав машину, охранник завел мотор и двинулся с места, явно стараясь как можно быстрее покинуть это место.

Перебирая четки, священник задумчиво смотрел на мирно спящего Артура, дым от которого все меньше и меньше различался в темноте.

– И это и есть основное божье проявление, – покачал он головой, посмотрев на Семена. – Этот прокаженный?

– Ваше святейшество, я не знаю. Моя задача вас оберегать. Насчет Артура Вениаминовича я ничего не могу сказать.

– Но ты же что-то думаешь по этому поводу?

– Да. Но это так сложно.

– Хочешь сказать, ты не считаешь его демоном?

– Я не знаю, кто он. Может и демон – может и нет.

– Господи, как же вы легковерны, – покачал головой Ипполит. – Неужели ты не понимаешь, что если слово божье ему вредит, то он нечисть? Впрочем, если уж у нас наверху не понимают, то куда тебе. Без обид, Семен.

– Да я не обижаюсь. Но и вы уж сильно строги с ним. Его святейшество Иван так не работает.

– Слышал я об этом, – хмуро заметил Ипполит. – Это нам ещё аукнется. Пусть их немного, но инициативу упускать нельзя. Или ты думаешь, эти алкаши сами появились?

– В смысле? Вы думаете, это он?

– А ты разве не понял? Это исчадие ада, и оно вечно жаждет крови.

– По-моему, Артур Вениаминович больше жаждет сна, сигарет и выпивки. Хотя пить он стал заметно меньше, – задумчиво сказал Семен, разглядывая сопевший сзади черный силуэт.

Просто ночь

Артур устало закрыл двери и вытащил сигарету. Курить в келье не разрешалось, но какая кому разница, чем он будет заниматься после работы? В конечном счете – он же выполнил свою работу. Артур посмотрел в зеркало. Вид, конечно, потрепанный.

– Большой убудок, – тихо выругался он. – И как таких земля носит?

Сзади послышалось легкое постукивание когтей. Не обращая внимания, Артур залез пальцем в рот и потрогал один из зубов: он подозрительно шатался. Неужели доктор прав и он действительно стареет быстрее остальных? Снова коготки. Он сплюнул кровь в раковину.

– Да дам, я пожрать, дам. Не ной, – он повернулся к черной кошке. – Что, опять все сожрала? Это как бы не казенные харчи. Можно и не особо налегать.

Кошка лишь расширила зрачки, внимательно его разглядывая.

– Что? Да. Мне дали люлей. Ненавижу этого мудака. Просто нечисть. И как таких в церковь-то берут. Впрочем, что я удивляюсь – это же церковь.

Кошка мяукнула и подошла поближе к миске. Артур посмотрел на полку. Где-то там, как он помнил, была коробочка с сухим кормом. Но вот где? Неужели он его съел? Так-то

мог, конечно, особенно после запоя. Но, к счастью, Дизина еда оказалась нетронутой.

– Держи, – Артур присел на корточки и высыпал содержимое коробки: – все для тебя, малышка.

Дизи благодарно заурчала и стала хрустеть сухарями. Артур выпрямился: его до сих пор ощутимо подташнивало от этих крепких святых слов, которыми так неслабо одарил его священник. Он посмотрел на полупустую бутылку виски. Хороший повод нажраться.

– А знаешь, я почти уверен, что это из-за проблем на личном фронте. Люди звереют, когда семьи нет, – сказал Артур, садясь на диван с бутылкой. – Человек должен размножаться, иначе все без толку.

Дизи ответила хрустом.

– Да. Только и можешь, что жрать, впрочем, я тебя понимаю. Что еще делать, если тебя никто не понимает, – он поднес бутылку ко рту, – вздрогнем!

Алкоголь весело побежал по горлу. Мир приобрел краски. Ночь игриво подмигнула. О да, ничто так не поднимало настроение и не сбавляло боль, как несколько крепких глотков этой бурды. Артур снова приложился к бутылке. Эх, какая же он все-таки пьянь.

Наконец Дизи добила свою порцию и прыгнула к нему на коленки. Артур нежно погладил её, всматриваясь в черные, отсвечивающие глаза. Дизи зафырчала. Он невольно улыбнулся. Она умела его успокоить.

– Что, никто нас не любит, да? Малыш, – сказал он, продолжая гладить своего питомца. – Только ты, я да продавец сигарет и алкоголя, детей которого я стопроцентно скоро обеспечу университетом.

Дизи положила голову, устроившись в любимой позе. Артур вздохнул. Когда-то он нашел её дикой, голодной, умирающей, и вот теперь эта пухлая морда весит чуть меньше среднего пса. Или больше. Он нежно провел рукой по шерсти. Как же он всё-таки к ней привык. К этой приятной, нежной кошке.

Запрокинув голову, он сделал ещё пару глотков. Пора отправляться в путь забвения, где мощный крейсер морального разложения пойдет в море алкогольного дурмана, ища покой, умиротворение и избавление от страданий. Артур закрыл глаза. По-хорошему можно было ещё и курнуть. Но ведь на коленках была Дизи. А согнать её – это не меньший грех, чем проткнуть Иисуса. Артур поморщился. Нет. Не надо. О таком думать не надо. А то опять голова заболит.

Сон прошел быстро. Также быстро, как и блаженство, которое испарилось ровно в ту минуту, когда он открыл глаза, увидев перед собой нахмуренное лицо Ивана.

– Пил? – тихо спросил он.

– А что не видно? – буркнул Артур, ища глазами бутылку.

– Тебе же нельзя, Артур. Я думал, мы договорились, – сказал Иван, покачав головой. – Ты помнишь, что сказал профессор.

– Помню. Но если бы не твой приятель, мне бы не пришлось пить, – ответил Артур, на интуитивном уровне предполагая, что шансы найти бутылку равны нулю. – Ты что, вылил?

– Да.

– Ты знаешь, с каким трудом я её достал? – поднял тело Артур. – Ты вообще представляешь, что я сделал ради неё?

– Мы договорились, что ты не будешь пить.

– Мне было больно. Это мое лечение.

– Ты мог прийти ко мне. Мы бы вместе пошли к епископу.

– Ага, черт решил пожаловаться на священника епископу.

Забавно. Ты так это представляешь, Ваня?

– Ипполит зашел за рамки. Это вполне доказуемо.

– Да что ты говоришь, – Артур икнул, – но стучать – это же низко. Или я не прав?

Бутылка, точнее полбутылки вискаря. Черт. В одно утро лишиться половины счастья. Он похлопал по карманам. Кажется, все же мир не так разрушителен. В меру, так сказать. Он вытащил сигарету. О да, немного огня. Совсем немного.

– Только не здесь и не сейчас, и не при мне, – выхватил сигарету Иван. – Ты что, совсем с ума сошел? Мы в церкви! А что, если его святейшество узнает?

– Вань, я тут все время бухаю и курю. Все давно всё знают, – сказал Артур, вытаскивая вторую сигаретку и уже более внимательно следя за священником. Риск риском, а две сигаретки подряд – это перебор.

– Но сейчас все меняется. И это, – он хмуро посмотрел на Артура, – тебе надо переодеться.

– Это ещё зачем?

– Мы идем к епископу.

– Что? Да меня от одного его вида воротит. Ваня, ты что забыл, как на меня это влияет? Он же идейный. Боюсь, меня там вырвет, брат. Да и зачем? Что я там забыл?

– Я повторю. Ипполит был не прав. Надо это решать.

– Никуда я не пойду. Это ваши церковные дразги.

– Но ты – жертва, без тебя никак.

– Ты что, пересмотрел «Адвоката дьявола»? Там был другой сюжет, Вань, если что так.

– Ты что, опять курить решил? – прищурился Иван. – Ты забыл, с кем общаешься?

– Вот только давай без угроз. Два дня подряд – перебор. Вас много – я один.

Иван подошёл к шкафу и распахнул дверцы. Артур улыбнулся: пора этому чистюле наконец успокоиться относительно адвокатской идеи, а не то, чего доброго, реально потащит к епископу. Тем временем Иван задумчиво закрыл дверцы.

– Да. Выбор небогатый.

– Так и я не для торжественных приемов тут. Сам знаешь, чем занимаемся.

– Ладно, твой размер я примерно знаю. Подберем.

– Секунду, – Артур покачиваясь встал, прикрывая глаза от солнца. – Вань, смотри. Ещё даже не выветрилось. Мы так

не может никуда идти. Дай мне хотя бы в порядок прийти. А там и поговорим по душам.

– Да, хорошо. Но ты не отвертись. Мы все равно к нему пойдем, – настойчиво сказал священник.

– Конечно, пойдем. Только сперва немного поговорим. Как-никак именно переговоры помогают нам найти суть проблемы, – вкрадчиво сказал Артур. – А сейчас мне надо покурить. Ты же знаешь, без этого я сам не свой.

Иван задумчиво процедил его взглядом. Затем посмотрел на сигарету. Затем снова на него. Этот парень ему, конечно, нравился, но иногда он был очень упертый. Наконец в голове священника что-то щелкнуло, и он кивнул.

– Хорошо. Дам тебе тридцать минут. И если ты будешь такой же мятый, я надену на тебя свою монашескую парчу.

– Тридцать минут, Вань. Больше не надо.

– Ладно. Тридцать минут, – кивнул молодой священник и вышел.

Артур вытащил сигаретку. Все же бог был мудр и разумен, изобретя сразу два удовольствия: алкоголь и сигареты. А потом у него снова заболела голова.

Старший

Выслушав Ивана, епископ Александр задумчиво посмотрел на Артура, тот утвердительно кивнул. Епископ поднял золотой колокольчик и позвенел. В кабинет вошел послушник с серебряным блюдом с кофе. Принимая чашку, Артур поморщился: серебро, как и солнечный свет, доставляли ему неудобства.

– И что вы от меня хотите? – спросил епископ, обращаясь непосредственно к Ивану.

– Как что? Служебное расследование о превышении полномочий. Ипполит не имел права использовать свои силы, против Артура. Это было необоснованно.

Епископ зевнул. Судя по всему, у него была очень активная ночь. Артур улыбнулся. Он как никто другой понимал эти тяжелые последствия похмелья и искренне сочувствовал старику. Только вот было любопытно, чем же он скрыл запах. Да и выглядел, в целом, неплохо. Монастырское вино? Артур слышал о его чудодейственных свойствах при перепое. Только вот попробовать не довелось.

– Иван, – устало начал епископ, – Ипполит предположил, что Артур использовал свои силы и вызвал негодяев. Именно этим он обосновал применение молитвы. С которой, между прочим, он на регулярной основе работает со Станиславом.

– Я слышал об этой работе. Более того, я видел, как вы-

глядит этот несчастный. Я почти уверен, что Ипполиту, нравится делать больно прокаженным.

– Это довольно серьезное обвинение.

– И я готов его подтвердить.

Старик снова посмотрел на Артура, словно ища его поддержки. Но он лишь пожал плечами. Вставать на пути у Ивана у него не было никакого желания. Задолбит ведь. Да, голова ещё не прошла от вчерашней порки. Так пусть не он один мучается. Артур посмотрел на тонкий луч света, падающий на гладкий, широкий стол. Да, несомненно, от их похода к епископу толку никакого, но хоть кофе вкусное попили. Он ткнул пальцем серебряный поднос. Больно.

– Только вот, Иван, Ипполит замещал ведь вас. Формально он вообще не должен был участвовать в этой поездке.

Артур почувствовал, как кончается запас доброжелательности у епископа. Священника надо было уводить. Чего доброго, святой отец окончательно сбросит сковывающие егоковы воспитания, а ведь при таком похмелье это вполне возможно.

– Ваше преосвященство. Если позволите, – начал Артур. Старик кивнул.

– Это моя вина, я знал, что Иван болеет. Но вы же знаете, как это у нас прокаженных. Был сигнал, я должен был его затушить. Ипполит был с вызова, уставший, к тому же, признаюсь, возможно, эти люди действительно моя вина. Слишком уж сильной одержимая оказалась. Попросту себя не кон-

тролировал.

– Повнимательней надо, – наставительно произнёс епископ.

– Каюсь. Моя вина.

– Но, – Иван обернулся и посмотрел на него, как на предателя, – Ипполит все равно был не прав. Он использовал молитву уже после того, как разбежались хулиганы.

– Да кто его знает, сколько их там было, – Артур мягко коснулся плеча Ивана – вроде не жгло. – Я порой и сам не понимаю, где кончается моя сила. Но я очень благодарен Ивану. Видите, как защищает.

– Да вижу, – старик хмыкнул, – вижу. Как вы спелись.

– Но, Ваше преосвященство, – запротестовал было Иван.

– Хватит. Я и так вас долго слушал. Никакого расследования не будет. И точка. А ты бы, Артур, сходил к врачу. Вид у тебя нездоровый.

– Вообще я хотел ещё пару тату набить. Да старые обновить, – Артур поднял руки, – место ещё есть.

– Только поприличней. По поводу твоих крестов меня до сих пор третируют.

– Все в рамках разумного, разумеется, – согласился Артур.

– Вот вам и дело, отец Иван. Вы у нас человек новый. Со всеми нюансами работы знакомы не полностью. Уверен, сопровождение прокаженного до столь необходимого ему места пройдет для вашего привыкания и обучения с пользой.

– Только можно чуть позже? Солнце в зените. Я прям сердцем чую, – мягко попросил Иван, – и без машины никак.

– Хорошо.

– Пойдем, Иван. Уверен, твоя просьба не останется невыполненной, – Артур поднялся – все же, если принохаться, от епископа реально несло вином. Неужели это не байки? А ведь он старик. Да и пил знатно. И вот, как огурчик.

– По возвращению зайдите все же к врачу.

– Конечно, – сказал Артур и, наклонившись к уху Ивана прошипел: – пойдём.

После того, как они оказались в саду, в тени нависших лип, Артур немного расслабился. До того, как он получит машину, оставался ещё час, а сидеть трезвым в келье он не любил. А тут и природа, и тенек, и водичка, и даже солнце, в приятных, ограниченных количествах. Он снял ботинки и потрогал пальцами ног траву.

– Как же хорошо. Почти блаженство.

– Ты был не прав, помешав мне задать мои вопросы, – сухо ответил Иван, сидя в своей строгой темной тунике.

– Разве? – Артур закрыл глаза. – А что бы ты сделал?

– То, что должен. Такое поведение не подобает священнику.

– Обычному священнику, Иван. Обычному.

– Я тоже истинный. Но я не веду себя так. С истинных спрос больше, – начал он запальчиво.

– Боюсь, ты меня неверно понял, – Артур присел. – Ип-

полит не только истинный, он ещё и мажор. У него отец епископ Михаил. Так что все, что мог сделать старик – это предложить тебе кофе.

– Да какая разница. Так же нельзя.

– Нельзя-можно, все это без разницы, – Артур вздохнул. – Мы все равно ничего не решаем в этом огромном механизме.

– Ага, понял. Не играем, тогда зачем вообще ты тут находишься?

– А я, в отличие от тебя, не выбирал свой путь, – хмыкнул Артур. – Он сам меня выбрал, грубо и жестоко принудив делать то, что я не люблю.

– Я думал, вы получаете удовольствие от процесса.

– Нет. Я получаю удовольствие от другого.

– Я знаю. Ты уже неделю мне это показываешь. Но ничего, я уверен мы найдем другие пути, – Иван задумчиво посмотрел на небо. – В тебе куда больше светлого, Артур, поверь мне.

– Только в рамках приличия, священник. Бухлишко пока в приоритете. Кстати, ты должен мне бутылку.

– И?

– Было бы неплохо... Неплохо получить что-то взамен.

– Это, например, что?

– Я знаю, монахи готовят вино...

– Но это для священников! – возмутился Иван.

– Ага, скажи ещё, оно освященное.

– Нет, но...

– Ну раз нет, значит можно и мне. Хотя бы бутылочку. Я как-никак прикрыл тебя сегодня.

– Так я и думал, что ты ничего не делаешь просто так. прокаженный. Вечно торгуешься.

– А как мне ещё выжить, когда вы как саранча меня со всех сторон окружили. Только и остается торговаться. – Артур вздохнул. – К тому же это такая мелочь. Бутылочка вина. Иван, ты же порядочный человек.

– Хватит. Имей совесть, прокаженный. Принесу я тебе вино. Лучше его пей вместо того спирта, что ты потребляешь.

– Ну, вообще-то я говорил не о замене, – Артур поднялся и посмотрел на небо: – кажется, эти тучи надолго.

Иван пожал плечами.

– Поехали, по опыту знаю, что пока есть шанс, что-то сделать для себя, надо его использовать.

– Как скажешь. Только скажи: зачем тебе эти татуировки. В чем смысл?

– Ты знаешь, – Артур задумчиво посмотрел на крест священника, – у меня какая-то необъяснимая страсть к символизму.

Мастер мастером погоняет

– О, какие люди, – улыбнулся разрисованный мастер, раскидывая руки на манер рака. – Артур, неужели нашел пустое место?

– Для тебя, всегда найду, – Артур улыбнулся. – Знакомься – Иван. Иван, это Мефодий.

– Мефодий? – Иван улыбнулся, – какое у вас редкое имя.

– Какое дали, – Мефодий пожал руку, – а где Антон?

– Антон всё, – хмуро сказал Артур, – теперь Иван.

– Жаль парня, – Мефодий посмотрел на прокаженного, – ну, и где будем забивать?

– Руки. Вплоть до кистей. Хочу кельтский узор довести, – Артур снял рубашку, явив миру разрисованное, потемневшее от темных красок тело. – Вот, последние белые участки. Только прошу – нежнее. А то у меня потом вся спина болела.

– Ты же просил качественно.

– Но боль то, я как бы не люблю. У меня и так вся жизнь – боль.

– Хватит ныть. Заладил. Лучше вон, садись. Сейчас начнём делать из тебя красавца, — Мефодий посмотрел на Ивана: – Святой отец, а вы с нами? Может кофе?

– Чай, если можно.

– Чай, – мастер почесал затылок, – Оль, у нас чай есть?

– Чай? – шторы подмастерья раздвинулись, и в крайне

коротких шортах показалась сонная, раскрашенная девушка, с колени которой полз удивительной красоты дракон. – Чай есть. Вам какой?

– Черный, – тихо сказал Иван.

– С сахаром? – не унималась Ольга, подойдя вплотную к священнику.

– Да. Можно.

– Минуту, – она повернулась к Артуру, – а где Антон?

– К самому что ни на есть высшему начальству вызвали.

– Ммм, – Ольга снова посмотрела на Ивана, – стало быть, новенький.

– Свеженький. Оль, принеси кофе, пожалуйста. Точнее чай. Мне работать уже надо. Что, кстати, с иглами? Ты заказала?

– Ага, когда я закажу? Я всю ночь не спала, – сказала она, не сводя взгляда со священника, – работала.

– Миф, я так усну. Может, мы начнём уже? – Артур ткнул мастера в макушку пальцем. – Потом с ней разберешься.

– Что, работаешь сегодня? – мастер деловито прощупал руку.

– Да. Чувствую, будет выезд, – Артур протер лицо рукой. – Как же все надоело.

– Вообще-то это секретная информация, – заметил Иван.

Мефодий повернул голову, смерил священника взглядом, вздохнул. Затем вернулся к руке Артура. Прокаженный тоже промолчал, задумчиво уставившись куда-то вдаль. Един-

ственная реакция была от Ольги, ткнувшей в него подносом с чаем.

– Ваш чай, Преподобный.

– Можно просто Иван, – ответил священник, чувствуя, что противостоит самой настоящей вакханалии, намертво воцарившейся в этом месте, – спасибо.

Он взял маленькую чашку и сел на небольшое кресло, прямо напротив Артура, наблюдая, как прокаженный, лишается последних кусков светлой кожи. И что у них за надобность такая, кожу красить? И ведь все как один. Синие.

Спустя два часа Артур деловито осмотрел руки. Рисунки, судя по всему, его устраивали. Он подошёл к большому зеркалу и занялся самолюбованием. Казалось, что этот ритуал он может продолжать бесконечно долго.

– Через недельки две заходи ещё.

– Что, опять на красках сэкономил? – Артур похрустел шей. – Какое же у вас кресло неудобное, купил бы новое. Ты же топовый.

– Потому и топовый, что ценю то, что хорошо работает.

– Да говно у тебя кресло, Миф.

– Тебе пора ехать уже, – мастер повернулся к Ивану. – Наличкой или как обычно на счёт?

– Что? – Иван непонимающе посмотрел на мастера.

– Понятно. Значит на счет. Ты только не томи, Артур. А то в прошлый раз неделю шло.

– Это большая организация. Крупный бюджет, и твои ко-

пейки теряются на фоне огромных сумм, – Артур подошел к Ивану. – Вообще-то, это ты был должен ему сказать.

– Меня так все это раздражает, – сухо заметил Иван.

– Терпимость, благодетель. Пойдем. Сегодня нам предстоит поработать, – Артур схватил рубашку и направился к выходу.

У машины он привычным движением вытащил сигарету и, чиркнув спичкой о крышу, прикурил. Воздух вокруг Артура снова привычно заиграл, создавая ощущение подобия пара, идущего с его тела – отличительной особенностью прокаженных.

– Нам ещё к профессору надо зайти.

– А можно иначе? – улыбнулся Артур и выпустил облако дыма. – Цени мгновения жизни, они ведь так легко испаряются из нашей памяти. Снова тучи. Наверное, будет дождь.

– Да. Скажи, как он умер?

– Мы не настолько близки, – Артур выдохнул и, вытащив сигарету, кинул её на асфальт, придавив ногой, – чтобы обсуждать смерть павших товарищей. Хоть ты и адекватный истинный монах.

– Я лишь хотел не повторять его ошибок.

– А это не он ошибся, а я, – Артур посмотрел ему в глаза, – я. Понимаешь?

– Я думал, прокаженные так сильно не переживают по поводу смерти священников.

– Вань, мы работаем всего неделю, и ты уже лезешь ко мне

в душу. Ты что, психологом решил стать? Ладно с бухлом я понимаю – это внятная идея. Келья не для этого, тут мой косяк. Но душевные разговоры – это перебор. У меня слишком ранимая, нежная темная душа, которая просто ненавидит свет психологических фонарей. Понимаешь?

– Да. Меня подробно инструктировали насчет особенностей характера и работы с прокаженными.

– Ты лучший. А теперь поехали, купим вискаря. У тебя же есть наличка?

– Это ещё зачем.

– А затем, что пока ты мирно спал сегодня ночью в кровати, я работал. И поверь, то, что я увидел, без бухла не одолеть.

– У тебя ночью было сильное видение?

– Я бы даже обозвал его прозрением.

– Но почему ты не сказал Его Преосвященству?

– А смысл? Это просто работа. Мы и так этим каждый день занимаемся. Отработаем и все.

– Но, если опасность высокая?

– Просто купи бухла.

– Надо сообщить епископу.

– Вань, ты что такой тврдолобый? Это ведь видение. Я не могу точно определить уровень опасности.

Артур почувствовал, как внутри у него все закипает. Приврать он, конечно, любил, и порой это отлично помогало, но этот монах. Он просто был сейчас невыносим. Бюрократ

чертов. Не объяснять же ему, что он просто хочет употребить перед делом. Артур снова посмотрел в глаза священнику. Более упоротого в своей убежденной правоте монаха он ещё не видел.

– Ладно, черт с тобой. Пошли к доктору, – сдался Артур и развернулся к машине. – Эх, Антоша, на кого ты меня оставил.

Церковный доктор

Врачебный кабинет находился в небольшом деревянном доме, у церкви, и со стороны шоссе. Он был почти невидим, так как все служебные помещения прихода ограждал довольно высокий забор. Оставив Артура, Иван пошел к себе в келью. Он не очень жаловал врачей. Артур потянул за ручку. Дубовая массивная дверь поддавалась нелегко.

– Артур Вениаминович, – улыбнулся профессор, – как же я рад вас видеть.

– Да, я тоже рад, – протянул руку Артур, усаживаясь в кресло. – Что на этот раз?

– Обычный осмотр. Не более, – профессор пощупал его пульс, заглянул в глаза. – Профилактика – смерть всех болезней. Смотрю, вы снова налегали на спиртное. Как же так.

– Ничего не могу с собой поделать.

– В разумных пределах. Иначе даже в вашем случае возможна интоксикация.

– Но вы же сказали, у меня высокий порог.

– Вы уж сильно перебарщиваете. Вижу у вас новые татуировки. Позвольте посмотреть? – спросил доктор и, не особо колеблясь, засучил ему рукав: – О, продолжение. Скажите, вам больше нечего наколоть, кроме кельтских?

– Они неплохи.

– Голова не побаливает? Помню от православного креста

были проблемы.

– Нет. Здесь нет. Все хорошо.

– Ай, Кирилл Михайлович, – скривился Артур и посмотрел на руку: с пальца шла кровь. – А вот нельзя понежнее? Вы же врач высшей категории.

– Что ты как девочка? А еще с демонами борешься, – сказал профессор, беря пробу крови. – Ты должен быть непоколебим и решителен. Что с болями? Мне сказали, недавний выезд прошел не совсем удачно.

– Ну как? Мы же победили.

– Ты знал, что она сильнее остальных?

– Предполагал.

– По видениям?

– По ним родным. Профессор, у нас вроде психологическая терапия по пятницам, – Артур засучил рукав, – что вам нужно?

– Хочу узнать о усилении видений. К тому же, твоя кровь снова бьет рекорды по кислотности. Препараты принимаешь?

– Принимаю. Но поверьте, это все от недосыпа. Иногда так важно дать мозгу отдых.

– Артур, не дури мне голову. И ещё. Я провел достаточно большое исследование... И несмотря на то что алкоголь и никотин, несомненно, помогают вам и способствуют заживлению ран, снижению стресса, он очень сильно изнашивает твое сердце. И это воздействие куда сильнее, чем у обычного

человека.

– С моей работой сложно не бухать. А почему так скрытно? Ну провели и провели. Можно же провести, я не знаю, совещание.

– Меня попросили обождать с выводами, – тихо заметил профессор. – Прокаженные тема плохо изученная, спешить не стоит.

– Мне кажется, вы что-то не договариваете, профессор, – Артур испытывающее посмотрел на него. – Есть что-то ещё, да? Ну не томите. Или это прям секрет-секрет?

Старик улыбнулся и понес колбу с кровью Артура к столу. Несколько лет назад он здорово помог доктору и вот, видимо, теперь пожинал плоды доверия и заботы. Доктор аккуратно вставил колбу в подставку. Вид у него был усталый.

– Неужели это так мрачно? – Артур вздохнул. – Что-то вы меня пугаете.

– Ну как. Просто ты очень быстро стареешь. Сгораешь изнутри. И алкоголь очень сильно увеличивает это. Да – он помогает. Но жизнь от этого явно не увеличивается. После последних изгнаний у тебя появилось несколько внутренних воспалений. И, по-хорошему, я бы положил тебя в стационар.

– Я кроме крови ничего не сдавал. Какие к черту воспаления? Как вы узнали?

– Я хороший врач. Ты сам говорил.

– Давайте так. Сегодня я доделаю одно дело и хоть на неде-

лю.

– Торгуешься?

– Да что вы все заладили! Просто меня так и так обяжут изгнать.

– Есть Стас...

– Нет. Он слишком слаб.

– Так значит, у тебя было сильное видение, и ты со своими язвами поедешь травить себя?

– Язвы?

– Я оговорился. Воспаления.

Артур прищурился. Вроде лжи он не почувствовал. А ведь на этот грех у него особый нюх. Другой вопрос, что эти язвы могли быть прям последствием от воспалений. И все же. Почему профессору мешают показать свои данные? Прокаженных ведь немного. Разве они не ценный церковный ресурс?

– Не такое сильное. Чтобы я мог сильно пострадать. Куда больнее получать от молитвы. Кстати, вы хоть частично приблизились к ответу, почему мне так от всего этого больно?

– Нет. Пока это всё также темный лес. Но ты точно не демон или бес, хотя признаюсь, любой средневековый житель, непременно, заколот бы тебя вилами. Уж больно внешние признаки схожи с демоническими.

– Может и вправду инопланетное.

– Отрицать сложно. К тому же, если бы вас всех нашли у тунгуски... Но увы, там был лишь ты.

– А может, я как супермен. Прилетел с далекой планеты? – улыбнулся Артур. – Заодно и отсутствие родных объяснить можно. Не вечно же их матом крыть. Может так они мне жизнь спасли.

– Артур, – профессор подошел к нему и положил руку на плечо, – ты и сам понимаешь, что просто так детей не подкидывают. Ты хороший человек – это главное. А ошибки совершают все. Даже родители.

– Да я давно простил их. Но это не означает, что они перестали быть мудаками, – Артур помотал головой. – Кирилл Михайлович, у вас есть еще те витаминки? Они понадобятся.

– Только не усердствуй.

– Да куда там, – Артур спрыгнул с сидения и уже у входа спросил: – А скажите, это правда, что именно вы предложили селить прокаженных в церквях над кладбищем?

Кирилл вздохнул. Подобная информация, как и в любом уставном месте, передавалась тяжело. И тот факт, что она оказалась у него, немного, но смутил доктора. Только вот вряд ли он спросит, откуда она у него.

– Это было смелое предположение, – вильнул профессор.

– Но вы же не верите в демонов? Откуда такая мысль?

– Вам пора Артур Вениаминович. Спите без боли – и хорошо. И прошу, поберегите себя. И после изгнания сразу ко мне. Я повторю: у вас крайне неважные анализы, – буркнул старик.

– Жаль водой святой не облиться, – съехидничал Артур и вышел наружу: настроение у него было неплохое.

И все же. Главное доктор не сказал. Артур это тоже почувствовал. Как и ложь, и гнев. Так как любое желание что-то утаить крайне явно высвечивалось его мозгом, снова интерпретируя его способности, как склонность видеть больше грешные вещи.

– Да какой я демон? – сказал он, встав в теньке и вытащив сигарету, любуясь позолоченным крестом. – Я просто жертва этой чертовой системы в этом божественном месте.

Он поднес огонек к сигарете. «Капитан Блэк» самое жесткое из всего, что он курил. Артур выпустил облако дыма. Блаженство, что ни говори. А болезни – да у кого их нет? Все болят. Это карма. Надо просто принять её. Он докурил до середины и тут почувствовал чей-то сильный взгляд. Повернувшись, Артур улыбнулся. Надо же, ну кто бы мог подумать, что Ипполит будет так бесцеремонно за ним подглядывать?

Вглядываясь в обидчика, Артур докурил сигарету и, внутренне приготовившись к очередной злобной молитве, показал злобному священнику отсвечивающий солнечным бликом фак.

Любовь к ближнему

Разодрав кровавую, мутную пелену, Артур раскрыл глаза. Молитва Ипполита прошла более чем успешно, и боль никак не желала покидать его уставшее тело. Он попытался сделать вдох – даже это было трудно.

– Наверно, это было принципиально и важно, – раздался тихий голос Ивана.

– А? – Артур повернул голову. Священник сидел прямо напротив его головы. – О да, братан, это было чертовски важно?

– Почему я уже ничему не удивляюсь Артур?

– Потому что это извечная борьба добра и зла... Ох, как же больно, – он попытался перевернуться. – Ипполитушка, походу, всю душу вложил, красавчик мой.

– Тебе надо к доктору. У тебя слюна кровавая.

– Нет. Не хочу я к доктору. Дай мне лучше сигарету. Хотя... А где мое вино? – Артур попытался подняться. – Ты мне обещал вино. Где оно?

– Вот, – Иван вытащил из-под стула пакет, – как обещал.

– Какой ты милый, – Артур аж улыбнулся. – Жаль черный, жена никогда не оценит. Может подумаешь? Жаль такого мужика семьи лишать?

– Мой выбор окончательный.

– Разве? Тяжело поди хранить целомудрие, – Артур сде-

лал глоток и вытер рукавом губы. – Черт меня дери. Это дар богов. Я прям ощущаю, как излечиваюсь.

– Мне кажется, тебя ничего не излечит.

– Это потому, что пока одна бутылочка. Думаю, вторая-третья прояснит ситуацию.

– Можно? – он вытащил сигарету, и Иван с явной неохотой кивнул. Артур провел сигарету перед носом: – Да, походу, Ипполит мне одолжение сделал.

– Если бы я не вмешался, он бы тебя убил.

– Добро оно такое, – Артур поискал глазами зажигалку. – Спасибо, что профессору не сказал. Кстати, я так понимаю, никто не в курсе произошедшего?

– Да. Я постарался как можно меньше привлекать внимания. Хотел для начала убедиться, что именно ты спровоцировал его. Это ведь так? Ты действительно сделал это?

– Ты про фак? Называй все своими именами. Да, черт возьми. А как иначе?

– Ты себя гробишь, Артур. И более того, в таком виде ты не сможешь выполнить задание.

– Извини. Но это уже мне решать. Сколько время? Я хочу умыться.

– Семь.

– О. Нам пора. Адрес скажу в дороге, – Артур тяжело поднялся и захрустел суставами. – О бог ты мой, как же мне плохо. Да, славно потрудился твой коллега.

– И твой.

– Но тебе-то ближе.

– Так всё, мы не едем. Это ни к чему хорошему не приведет. Ты не способен проводить изгнание.

– Иван, – Артур посмотрел ему в глаза, – мне было видение. Четкое, сильное. Если мы не поможем – несчастной будет очень плохо. И все, что надо, это добить бутылочку этого прекрасного, монастырского винца. Я буду трезв, ну более-менее, здоров и воинственен. А ты не получишь срыв плана.

– Мы и так его опережаем.

– Хорошо – согласился Артур и пошел в ванну.

– Это опять одиночка?

– Да. Идеальная для нас спасаемая. Почти круглосуточный доступ к телу, и никаких юридических проблем.

– То есть?

– Это бомж. Женщина-бомж, – крикнул, умываясь, Артур. – Или бомжиха, я короче не знаю, как их правильно называть. Бомж, бомжиха. А что, с этим проблемы?

Иван задумчиво посмотрел на него. Видно вода пошла ему на пользу, освежила что ли. Он вытер лицо. С такими людьми он любил работать. Очень мало последствий, даже если они ему на лицо наступят.

– Но. Это опасно. Я поговорю о ещё одном охраннике.

– Ты что, бомжей испугался? Не переживай, я тебя прикрою, – Артур поднял бутылку и сделал глоток. – Так все, я готов, можно выезжать. Желательно пораньше приехать. А

то их там много будет.

– Хорошо, – немного растерянно сказал Иван.

– У тебя точно все в порядке? Ты немного взволнованный. Ты что с бомжами дрался?

– Нет. Все в порядке. Поехали.

– Отлично. Я только куртку накину, – Артур подошел к креслу. – Как-никак это блошинная ферма. Надо себя прикрыть получше.

Он посмотрел на Ивана: все же священник заметно волновался. Но почему? Артур задумчиво потеревил в кармане пачку. Несомненно, из него крайне плохой Шерлок Холмс. И все же, скорее всего, что-то плохое они ему сделали. Может спившиеся родители? Или просто в подворотне поймали и избили. Так или иначе, сегодня он это обязательно выяснит. Что так пугает Ивана в этих исключительно милых людях.

Павелецкий вокзал, а точкой пропитания был именно он, находился примерно в двухстах метрах от того дома, где Артур увидел несчастную женщину. Именно по нему он смог быстро определить место, где будет свершаться это ужасное проникновение в мир божий. Во всяком случае, так вешали церковные книги. Что же до его мнения, то оно ещё не сформировалось. Уж больно много было всяких но. Артур прикурил сигарету. Вонь, конечно, была адская.

– Семен, не в лицо свети, а вперед, – бурчал сзади Иван, – аккуратнее. Боже, это ещё что?

– Посрал кто-то, – мрачно констатировал Семен.

– А воняет-то как.

– Бомжатник, он и есть бомжатник, – снова порадовал истиной охранник.

– Это точно тут? Артур, ты не ошибся? – не отпуская надежду спросил Иван.

– Именно здесь зло распустило свои щупальца и пустило корни, – ответил Артур, нащупывая ногой бетонную лестницу. – Сюда, она здесь. Кажется, на втором. Только аккуратнее, так как тут можно на говне поскользнуться. А еще перил нет.

– Два в одном, – снова буркнул Семен.

– Помолчите, пожалуйста, – не удержался Иван, явно чувствуя себя не в своей тарелке. – Давайте дойдем до места молча.

– Аааа! – раздался крик.

– Что это? – Семен схватился за пистолет.

– Боже, я на кого-то наступил, – ослабевшим голосом сказал Иван.

– А я говорил: будьте аккуратнее, – Артур посмотрел наверх: до женщины было уже недалеко.

На втором этаже было заметно лучше. Видимо, сохранив немного здравого смысла, бомжи старались испражняться на первом и берегли второй как нечто более приятное, для досуга. Встав напротив женщины Артур дождался остальных.

– Это она? – посветив лучом, спросил Семен.

– Да, – Артур огляделся. Кроме женщины, вокруг не было

ни души. – Так, мне нужно пространство. И чтобы никто не мешал. Все как обычно. Осилишь, Сема?

– Да, Артур Вениаминович. Все сделаю.

– Красавчик. Посмотри еще по входам. Если тут лишь через лестницу, вообще огонь. Дело не простое, сам видишь.

– Да уж. Вижу, – Артур поискал глазами священника. – Иван, ты что? Ты что? Блюешь? Здесь итак не оранжерея. Выйди на улицу.

– Мне плохо.

– О черт. Ты что такой чувствительный? Это просто фекалии с мочой. Соберись. Ты должен меня контролировать. Давай, подойди, и это – вытрись, я не знаю.

– Да-да, секунду. Сейчас, – пошатываясь, Иван подошёл к Артуру и посмотрел на женщину. – А это что?

– Что?

– Да вот. Вот это что? – он ткнул в живот. – Это вот что?

– Живот.

– Именно. Она что беременна?

– Я не знаю, я не доктор. Может, просто жирная.

– Артур. Она беременна.

– Какой кошмар, – сказал Артур, засучивая рукава.

– Так нельзя. Это проблема.

– Послушай, – Артур нагнулся над женщиной и поднял веко: зрачок был красным, – вот проблема. Превращение уже началось. И если я не потороплюсь, все будет ещё хуже. И ребенка мы тоже вряд ли спасем. Так что, может, ты просто

дашь мне поработать, а?

– Но ребенок... Это превышение полномочий.

– Да что ты говоришь. Дать ей умереть – вот превышение полномочий. Так что отойди и не мешай, – Артур отодвинул священника, отдал ему сигарету и сделал глубокий вдох, потом вдруг остановился и, внимательно на него посмотрев, спросил: – Слушай, а почему ты так с бомжами комплексуешь? Это что рана детства? Родители? Или тебя просто бомжи били?

– Нет, – сказал Иван, принимая сигарету. – Просто мне очень неприятен их запах и внешний вид.

Изгнание

– Главное не трухать, верно? – Артур поморщился, потер ладони и приложил руку к её лбу: – Ну всё, цирк поехал на гастроли.

Он посмотрел на женщину. За несколько минут, что они были возле неё, она заметно изменилась: появилась бледность, глаза закатились. Было видно, что её начинает трясти. Артур глубоко вдохнул и выдохнул. Изгнания никогда не проходили легко.

Как правило, сначала шли судороги. Иногда не сильные, чаще едва заметные. Порой такие, что, казалось, жертва разобьет колени об пол. Как говорил епископ, самое страшное, если жертва посмотрит в глаза прокаженному, но до этого никогда не доходило. По крайней мере, у него. А вообще вся информация о возможных последствиях была строго засекречена. И все, что было известно, это то, что в случае прерывания сеанса, жертву следует утихомирить любыми возможными способами.

Тут женщина заговорила. Такое тоже случалось. Иногда это было что-то вяtnое, иногда не очень. Порой даже на латыни говорили. А вообще язык тут не играл особой роли. Артур уже понял, что самое весомое – это интонация. Которая порой была очень угрожающей.

– Вот и ты, брат, пришел-таки ко мне, – сказала женщина

мужским незнакомым голосом. – Что ты чувствуешь, Артур? Тебе больно?

Артур покивал. Весь процесс, сам по себе, был не очень приятным. Словно он в куче незнакомых людей пытался выкинуть одного, особенно неприятного, а тут ещё и поговорить надо. Но сейчас было не до этого: сидевший в бомжихе некто оказался куда сильнее остальных. И главное – прятаться умел. За счет ребенка, разумеется. Как-никак, два сознания.

– Кто ты, Артур? Знаешь, кто ты?

– Заткнись, демон, – прошипел Иван и вытащил крест.

Но только это бесполезно. Пока оно внутри человека, все эти процедуры бесполезны. Ни крест, ни божественное словоблудие – ничего! Даже у истинных не получалось выманить нечто из человека, как бы они не старались. Лишь они, прокаженные, могли достать это. А уж потом в дело вступали священники. Или охранники.

Артур почувствовал, как немеет рука. Нехорошо. Он надавил. Он почти не чувствовал её, не чувствовал жара лба. Демон или нечто, прячась внутри, высасывали его силы, не давая зацепиться. Он снова придавил несчастную. Без толку. Два сознания – это очень непросто.

– Да. Иди ко мне. Иди ко мне мой мальчик. Здесь хорошо, места хватит обоим.

А потом она закричала. Неистово, безумно, выплевывая слюну. Артур открыл глаза. К черту протокол! Он куда силь-

нее любой подобной твари. Иначе умрет же. Вместе с ребенком. Женщина улыбнулась безумной улыбкой и открыла глаза.

– Вот ты и со мной, мой милый мальчик.

Видение. Ещё, ещё. Он уносится куда-то далеко, где видит поваленный лес. Метеорит. Тунгусский. Там, где его впервые обнаружили люди. Где он лежит в своей маленькой колыбельке, и нахмуренное лицо странника склонилось над ним.

Кто ты? Что ты? Зачем ты пришел сюда? Эти вопросы возникают в голове начальника экспедиции. Он пытается понять невозможное, и, естественно, у него ничего не получается. Затем один из членов экспедиции нападет на другого. Ночью. С ножом. Он хочет его убить и вытащить из палатки. Крики, ругань – они еле-еле успокаивают дебошира. Но это лишь на эту ночь. Потом подобное повторится снова.

Холод. Жуткий холод. Он слышит, как начальник экспедиции говорит о том, что тоненькая простынь должна была убить его. Что это невозможно, что так не может быть. Снова это слово «невозможно». Снова он слышит их. Артур закрывает глаза. Ему хочется спать. А затем горячее тепло пробуждает его. Он кричит. Он кричит и пытается скинуть маленький крестик, который вешает один из участников этого похода ему на шею.

– Артур! Артур, очнись!

Артур открывает глаза. Боль. Сильная боль. Придавлив

к шее крест, Иван пытается вырвать его из сеанса. Грубо, очень грубо. Артур смотрит на женщину: ей тоже больно. Она очень не хочет разрушать их связь. Но Иван оказался сильнее.

– Не судьба, – вылетело из гнилого рта. И жесткий удар в висок отбрасывает его к стенке, больно приложив о грязную кладку.

– Стой, тварюга! – кричит Семен, доставая пистолет, но тщетно. Схватив Ивана и швырнув его в сторону, как щит, беременная в два прыжка оказывается у окна и, наступив грязными ногами на подоконник, сигает вниз.

Пьяная картинка. Приложив руку к затылку, Артур нащупал предательски мокрое, теплое пятно. Кровь. Удар был сильным. И всё же он должен идти: только он может выследить её. Только он.

– Иван Петрович, – тихо шепчет Семен, пытаясь привести в чувство священника, – вы живой?

– Да, – послышался тихий ответ.

Струйка. Струйка вялого следа. Непонятная, неизученная. Видная лишь ему. Артур подошёл к лестнице: прыгать со второго этажа – плохая затея. Хуже которой лишь преследование этой твари.

– Артур, стой!

Крики, бесполезные крики. Никчемные. Артур медленно ступает вниз. Тонкая струйка не даст скрыться в этой темноте. Он обязательно найдет её. Только вот когда? С этим раз-

битым затылком крайне тяжело даже думать, не то что идти.

Где ты, демон? Куда ты пошёл? Зачем? Зачем тебе весь этот цирк? Артур наступил в грязную жижу старой земли. Видения – они говорили лишь о том, что изгнание будет тяжелым. Но не то, что это существо окажется настолько сильным. Он ведь даже не смог ничего ему противопоставить. А прошлое? Зачем ему нужно это прошлое?

– Артур, – послышался знакомый голос, – Артур!

Женщина стояла в самом углу. Ее глаза странно горели, а изо рта текла пахучая черная жижа. Какая же мерзкая картина!словно сошедший эпизод «Книги Мертвых». Он выдохнул. Нельзя чтобы она проникла в его мозг, пленила взглядом. Не то случится то же самое, что и с Арсением, мозги которого навсегда утратили осознанность в мыслях.

– Тебе хана, чувак, – еле выдавил он. – Просто стой там, где стоишь. Я сам подойду.

Он почувствовал, как проваливается в грязь. Медленно утопает в ней. Идти становилось всё тяжелее и тяжелее, словно вся земля ополчилась против него. Но откуда эти силы? Все что раньше происходило, это невнятные подергивания и бормотания, а теперь... Теперь его размазали об стенку. И только ненавистный крест вырвал из лап этой безбожной твари.

– Отойдите, Артур Вениаминович, – раздался голос Семена.

– Нет. Не смей. Я справлюсь, – Артур махнул рукой. – Я

справлюсь.

Усилие, затем ещё. Он вырвал ногу и наконец встал на твердую землю. Осталось совсем немного. Совсем чуть-чуть до финального гонга. И все – он потопит эту силу в её же собственном дерьме. Надо просто немного напрячься. Ведь там же ребенок. Он подошёл к женщине и встал напротив её глаз. Ведь если кто-то очень хочет борьбы, он должен её получить.

Бах. Бах. Бах. Первый выстрел прошиб лоб. Второй и третий тело чуть ниже живота, намертво запечатав ребенка в утробе. Семен прекрасно стрелял и ещё лучше дрался. Но не сегодня. Сегодня навык борьбы ему не понадобился.

Артур развернулся. Позади этой монолитной фигуры охранника были видны полицейские огни, непонятно как очутившиеся в этом срачнике. Видимо кто-то позвонил. Кто-то очень внимательный к ночным гостям. Артур ухмыльнулся, заметив, как Семен обтирает пистолет и скидывает его в грязь. Умный охранник знает, что делать в таких случаях. А вот что делать ему?

Жертва. Просто двойная жертва. Устало наступая в этом черном, вонючем месте, он делает шаги навстречу полицейскому свету. Они должны выслушать его. Понять, что тут происходит. Наверное, так лучше. Так говорит его внутренний голос. Смерть людей не самая необходимая штука. Он проходит мимо Семена навстречу полицейским. Как-то слишком много для одной ночи. Слишком.

Но полицейским безразличны его слова, все, что им надо, это вырубить возможного преступника, а потому, взмахнув дубинкой, они снова валят его в грязь. Только теперь в ней присутствует небесная вода, так как пошел дождь. Уткнувшись в мокрую землю, Артур закрывает глаза. Он устал. Он очень устал за эти несколько часов.

Участок

Звон в ушах, потом какой-то шум, потом удар. Артур устало открыл глаза. Казалось, в его голове произошел какой-то ураган, и вот теперь он еле-еле пытался привести хоть что-то в норму. В нос ударил неприятный запах мочи. Артур вздохнул. Даже не пытаясь наладить память, он без труда определил место. Обезьянник.

– А нельзя ли потише, черт бы вас задрал, – буркнул он, вытирая грязь с лица. – Неужели нельзя потише? И так ведь хреново.

Но его слова остались без внимания. Просто удар, затем ещё. Но теперь он уже мог внятней разобрать картину, что творилась вокруг него. А именно: два парня неплохо уютжили друг друга, нисколько не стесняясь запачкаться в воюющих стенах этой богом забытой конуры. Артур поднялся с пола и сел, облокотившись о стену. Подобная картина ему была знакома с детства. Он поискал глазами то, о чем мечтал больше всего. Да, так и есть: в момент подобной драки всегда выпадает какой-нибудь приятный бонус.

Подобрав мятую пачку, он вытащил такую же мятую сигарету. Осталось одно. Спичка. Артур побил по карманам и, по-должному отблагодарив удачу, вытащил коробок. Затем поискал глазами подходящее место и резко провел рукой. Все – огонь готов. Он поднес горящую головку к концу

сигареты. Это даже не мечта – это блаженство. Он затаился и откинул голову: все, товарищ капитан, он прибыл в свой порт.

– Ублюдок, – крикнул один из драчунов, – я тебе голову сломаю.

И снова пошла медленная, в некотором роде неприятная возня, так как оба бойца были более чем паршивы и все что могли – это кататься по полу, пытаясь нанести хоть какой-нибудь ущерб.

Артур затаился ещё. Дым, вонь – все это привычно смешалось в общую кашу. Напоминая ему о прошлых славных деньках, когда его неделями держали в подобных местах, давая по-правильному осмыслить свое положение в этом мире. Что ж, повторение – мать учения.

На брюки полетели брызги крови. Неплохо, совсем неплохо для явных новичков в кулачных боях. Артур поморщился: кровь отстирывалась хуже всего, да и этот запах – он почти не выветривался. Он потер штанину. Ну да. Она уже впиталась.

– Бей в челюсть, – заметил Артур одному из участников драки, – так проще. Он её почти не закрывает.

Обернувшись на его голос заключенный блаженно улыбнулся. Так было всегда: они никогда не нападали на него, только друг на друга, а если не было противников, то били себя, в лучшем случае лишаясь сознания.

Наконец за дверью послышались шаги, и в дверях провер-

нулся ключ. Артур неспешно затушил сигарету и повернулся к стенке, положив руки на затылок. Эту процедуру он тоже знал и понимал, как лучше себя вести.

Уложив обоих участников драки на пол, менты как следует обработали их дубинками, пока в камере не настала абсолютная тишина. Потом, без ненужных в данном аспекте слов, они вытащили его в коридор и, щелкнув на руках браслетами, повели, по всей видимости, на допрос. Уставившись в пол, Артур мысленно поблагодарил павших братьев за то, что взяли на себя всю прыть этих двух крепких сотрудников охраны.

Наконец его посадили на стул, и перед ним оказался следователь, на столе у которого большими кучами лежали стопки бумаг. Артур косо глянул на своих охранников. Ребята были не в пример стройнее, выше, а главное шире него. Даже гордость за таких брала.

– Свободны, – сухо бросил сидящий перед ним следователь.

Оставшись наедине с этим важным человеком, Артур начал не спеша его разглядывать. Все как по шаблону: около сорока лет, усы, проступавшая щетина, уставший вид, мешки под глазами, мятая рубашка и даже след от кольца на пальце, свидетельствующий о большей любви к работе. Артур улыбнулся. Такие следаки ему нравились: с ними проще всего находить общий язык. И, что самое главное – следователь курил.

– Можно? – Артур указал скованными руками на пачку.

– Да, – всё также сухо бросил усатый.

Аккуратно вытащив сигарету, Артур, как и положено в его положении, вежливо подождал, пока его новый босс достанет зажигалку и положит её на край стола. Это, по сути, был самый настоящий священный ритуал, так как почти во всех участках был один и тот же. Только иногда были спички, и цвет у зажигалок менялся.

– Божественно, – тихо вздохнул Артур, кладя зажигалку обратно и морщась от небольшой боли, – просто прекрасно.

– Имя, возраст, дата рождения, – не обращая внимания на его слова, буркнул следователь.

– Артур Вениаминович Смирнов. 1983 год. Шестое сентября. Родился в селе Варнава, в Эвенкийском районе Красноярского края.

– В каком районе? – оторвался от компьютера следователь.

– В Эвенкийском, – важно стряхнул пепел Артур.

– Это где?

– Рядом с Подкаменной Тунгуской. Река такая.

– Это где метеорит упал? – морщась, словно пробегая по всему давно забытому школьному курсу, спросил следователь.

– Ага. Недалеко.

– Далеко же ты забрался.

– Не люблю холодный климат, – улыбнулся Артур.

– Боюсь, как бы теперь снова полюбить не пришлось, – опустил глаза следователь, продолжая набивать данные. – Знаешь, что тебе грозит за двойное убийство?

– Догадываюсь. Только ведь это доказать надо, верно?

– Это да. Надо, – следователь снова пробежал по нему взглядом. – Что в камере произошло?

– Да, так всегда бывает, когда я отключаюсь, – задумчиво сказал Артур, затянувшись очередной порцией никотина. – Сложно контролировать выброс, вот и получается, что кто-то вечно дерется. Признаюсь, вам очень повезло, что у них ничего кроме кулаков не оказалось, а то могли бы и ещё пару дел принести.

Усатый следователь поднял голову и откинулся на стуле. Потом задумчиво посмотрел на Артура. В его глазах играли странные огоньки. Вздохнув, он заметил: – Я так понимаю, по-хорошему мы говорить не хотим?

– Да я, собственно, все сказал. Это биополе какое-то. Я, если честно, до конца и сам не понимаю. Кто ж мне объяснить то будет? Между прочим, это всегда так, и пользы явно никакой. Потому священник и ходит. Они снимают это.

– Кто снимает?

– Священники. Но только истинные.

– Какие еще истинные?

– Кто по-настоящему верит. Иначе никак. Все должно быть натурально.

Следователь скривился, потом вздохнул. Почесал голову

и снова уткнулся в монитор. Было видно, что его терзают какие-то мысли, из-за которых несколько меняется привычный метод работы. Артур искренне сочувствовал ему. Но увы, врать ему не хотелось.

– Понятно. Род деятельности. Где работаем?

– В РПЦ. Изгоняю нечисть.

Следователь снова посмотрел на Артура. Теперь более внимательно. Потом улыбнулся и взял сигарету, сам мягко прикурив зажигалкой. Артур улыбнулся в ответ. Судя по всему, в ближайшее время бить его не будут.

– Нечисть, значит. В РПЦ?

– Да.

– А татуировки зачем? Священники вроде таких не носят.

– А я и не священник. Я прокаженный. Я же сказал, что священники только со мной ходят. Но сам таковым я не являюсь.

– Прокаженный. Это ещё что?

– Что-то очень напоминающее демонические силы. Ну, знаете там, полно грехов, не любим свет, татуировки опять же и в целом склонность ко всему пагубному. Да, и от всего освященного сплошные проблемы.

– И потому работаешь в церкви? – осклабился усатый.

– В одном из структурных подразделений.

– Так как ты там живешь? Если к пагубному тянешься?

– А живу я на месте старого кладбища, как оказалось, это снимает все пагубные церковные воздействия. И, понятное

дело, молиться я не хожу. А то того и гляди помру.

– Значит, священники взяли демона на поруки, против своих воевать?

– В точку, – улыбнулся Артур. – Только я не демон.

– А женщина?

– Какая?

– Вчера, возле которой тебя взяли.

– Ах эта. Она была одержима. Что-то вроде нечистой силы. Я хотел изгнать, но увы. Не вышло. Она была беременна, вот и не смог поймать источник. Когда два разума – это очень сложно: ты просто не можешь определить, откуда тащить, а тем временем силы тают.

– И потому ты её пристрелил, да?

– Нет. Я ни в кого не стрелял.

– А кто стрелял? – следователь приторно улыбнулся и выпустил облако дыма в открытое окно: – Ты был не один?

– В этом уже вам разбираться, гражданин начальник, с кем я был.

– Говорок у тебя больно знаковый, для демона.

– Так в России родился, с детства приучили. У нас ведь проще поверить во что угодно, кроме высших сил. Так что с вашим братом познакомиться довелось немало.

– То-то и оно. Ладно, товарищ Смирнов, я вижу, разговор у нас немного не клеится, а стало быть, надо вам ещё немного отдохнуть. Как на это смотрите?

– Пачку дадите?

Следователь задумчиво посмотрел на Артура, затем на полупустую пачку сигарет.

– Я верну. Обещаю. Просто после изгнания, если не алкоголь, то курево – иначе хоть вешайся, – молящим голосом сказал Артур. – Я все верну.

– Ладно, бог с тобой, бери. Должен же ты хоть чему-то радоваться, – следователь протянул ему пачку сигарет и потянулся к телефонной трубке: – Петров, заберите обратно в камеру. Человеку надо подумать.

Артур бережно запихнул вожделенный подарок в карман. Теперь можно было потерпеть и побои, которыми, судя по всему, его будут развлекать все оставшееся время. Потом он подождал, пока следователь положит трубку.

– Можно вопрос? – спросил Артур, прислушиваясь к приближающимся неспешным шагам.

– Да.

– Как ваша фамилия?

– Потапов. А тебе для чего?

– Просто хотел знать, на кого сигареты выслать.

– С этим не переживай, – улыбнулся Потапов, – боюсь, теперь ты нескоро это сможешь сделать, товарищ-изгонятель Смирнов.

Святые очи

«Тьма, всепоглощающая тьма темных мыслей и боль, скользящим звеном сшивающие куски тьмы воедино. Именно так стоит воспринимать жизнь», – вспомнилось Артуру, когда по нему очередной раз прошлись палкой. Он закрыл глаза. Речь покойного монаха неизменно преследовала его.

«Боль – она неизменна, она константа. Она есть главное, что отделяет нас от животных. Лишь благодаря ей человек воспринимает себя живым и осознанным. Только так. И пока ты чувствуешь боль, сможешь не дать ей возобладать над собой, ты останешься человеком».

– Ну что, вспомнил, синий? – снова прошелся по его спине полицейский. – Что там с бабой с этой, а? Ты ухойдокал ее?

– Нет, добрый человек, не я, – кроваво улыбнулся Артур, – но ты спрашивай, мне интересно наше общение.

– Весело значит, – полицейский поднял засученный рукав, сползший от замаха, – отчаянный ты у нас. Но ничего. И не таких ломали. Слышал, что он там наплел? Говорит, в церкви работает.

– Вот тварь. Я между прочим хожу туда, синий, – поддакнул второй охранник, вытирая пот со лба.

– Видимо, это там тебя палкой работать научили, – хмыкнул Артур, пытаясь поглубже вдохнуть. – Ты там не звонарь

случаем?

– Кажется, сейчас ты им станешь, – сказал второй охранник и потянулся было к его штанам, но первый его остановил.

– Не увечить, помнишь?

– Черт. Почти забыл. Сам видишь: тварь какая.

– В смысле божья? – не выдержал Артур.

– Получи! – рявкнул, не сдержавшись, мент и смачно приложился о несчастную бочину. Артур взвыл. Удар был нешуточным. Таким, что он едва не потерял сознание.

– Что теперь скажешь, божья тварь?

– Что это плохо, – перевел дыхание Артур. – А точнее, очень плохо бить людей.

– Ты же демон.

– Я прокаженный, идиот. Неужели так сложно запомнить?

Артур почувствовал, как наступает тот самый момент, о котором так настойчиво говорил монах. Что еще немного, и он перестанет контролировать свою силу, так уютно в нем обжившуюся.

– Давай еще немного, добрый человек, я почти на вершине блаженства. Что там у тебя еще? Снова палка?

– Да ты мазохист, как я погляжу, – протер платочком лоб второй охранник. – Но ничего, синий, я только начал. У нас с тобой впереди целая смена. Так что развлечений хватит.

Артур улыбнулся. Кровавое облако боли почти полностью обволокло его, сгущаясь перед самым носом. Он выхаркнул

кровавый сгусток. Видимо, все же мент переборщил с силой удара. И все же он контролирует. Несмотря на всю боль он контролирует себя. Только вот не стоит так сильно задирать ментов, хотя бы сейчас.

– Что ты там пыжишься?

– Ничего. Ты главное продолжай.

– Издеваешься? Но ничего, сейчас тебе совсем весело станет.

– Так делай же.

Снова удар, потом ещё, потом в очередной раз его тело потрясла череда касаний этой чертовой палки. Артур сжался: кажется, всё – вот она предельная точка, после которой он теряет контроль. Или сознание? Впрочем, так ли это важно?

– Что, грустно?

– Немного, – еле ответил Артур, прислонившись щекой к полу.

– Говорю же, целая смена. Впереди.

– Боюсь, ты ошибаешься, – тихо сказал Артур, почувствовав священника. – К нашему общему сожалению.

– Ты о чем, убогий?

– О том, что забирать идут, – Артур попытался встать, но ноги не слушались. – Минуты через три тут будут.

– Кто?

– Начальство, – ответил Артур и уже привычно прислонился к обсосанной стене. – Не вышло у нас, до края дойти – все впустую.

– Я его не пойму, он что несет? Я ж его по голове, вроде, не бил, – повернулся второй полицейский к первому. – Ты его понимаешь?

– Не особо, – прислушиваясь к еле слышным, но уже вполне отчетливым шагам, заметил первый. – Подожди, кто-то идет. Не лупи пока.

– Если тока пока, – потирая палку, согласился мент.

Второй раз за день лязгнул замок на двери обезьянника. И тут же среди запахов мочи, крови и непередаваемого по мощи бомжацкого тряпья пошел совершенно новый запах – запах ладана, от которого Артура передергивало сильнее всего.

– Добрый вечер, господа полицейские, я войду? – вежливо, но твердо спросил Иван. А затем исполнил и православный вздох от его непотребного вида: – Боже, ты живой?

– Все в норме, – тихо сказал Артур, – все в норме.

– Вы за это ответите, – едва ли не прошипел Иван. – Это как вообще понимать? За что вы его избили?

– Кто избил? Мы? Вы ошибаетесь, святой отец, он таким прибыл. Верно, синий? – охранник ткнул его ногой, – а, собственно, в чем дело? Вы как вообще сюда попали?

Но договорить он не успел, так как за священником в обезьянник зашел кто-то еще, из-за кого дерзкий голос полицейского совершенно потух.

– Ты как? – снова послышался голос Ивана. – Артур, ты как?

– Говорю же, в норме я.

– У тебя слюна кровавая.

– Да, упал неудачно. С приземлением вечно проблемы. А ты что-то припозднился. Проблемы с допуском?

Иван покачал головой и помог ему подняться. Артур не возражал и, облокотившись о священника, медленного заковылял к двери. Охранников он увидел только у выхода. Где сквозь большое стекло общего кабинета, было видно, как они внимательно слушали отповедь своего начальника. Артур покачал головой, по сути, это было совсем не нужно.

Оказавшись на улице, он, преодолевая боль, сделал глубокий вдох. Судя по боли, несколько ударов не прошли даром для легких.

– Зачем ты так? – снова спросил Иван, встав рядом. – Ты же мог обойтись без этого. Зачем ты их задираешь?

Артур повернулся к нему. Было немного непривычно при такой боли все так хорошо видеть, ведь обычно после подобных порок он и пальцы разглядеть не мог. А тут все как при нормальном раскладе. Профессионализм битья в чистом виде.

Непослушными пальцами он попытался вытащить сигарету, но она предательски выпала из рук. Видимо, пару раз он все же прикрыл себя руками, и теперь кистями можно было даже подтираться.

– Артур... – покачал головой Иван и, вытащив сигарету из пачки, вставил ему в рот. – На, кури.

– Спасибо, – прошептал Артур. – И прикурить.

– Прикури ему, Семен. У меня нет зажигалки.

Вышедший из машины Семен протянул вожделенный огонек.

– О да, – Артур сделал глубокий вдох, дав табачному дыму заглянуть во все измочаленные уголки, – Да. Черт возьми.

Постепенно он почувствовал облегчение. Незримо. Уверенно. Боль сдавала свои позиции, с каждой затяжкой отступая назад. Артур в очередной раз затянулся и уже сам вытащил сигарету.

– Все же ночью куда спокойнее. Признаться, думал опять под солнцем пойду.

– Солнце. Ночь. Ты зачем это сделал? Неужели нельзя было иначе, Артур? Что за истязание?

– А у меня был выбор? – Артур вытащил сигарету и, прицелившись, метнул ее в урну, победно улыбнувшись судьбе. – Мне просто надо было отвлечься. А боль как ничто отвлекает от скуки.

– Ты идиот. Вот ты кто, – буркнул Иван. – И поверь, основная боль у нас впереди, так как нам сейчас придется объяснять, как так вышло, что пришлось убить беременную, посадить тебя в участок и целый день бегать по кабинетам вытаскивать, вместо того, чтобы грамотно выполнить работу.

Артур согласно кивнул и, обернувшись, посмотрел на луну. Все-таки она была намного прекрасней солнца, хотя бы

ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ЛЕГКО ПОЗВОЛЯЛА НА СЕБЯ СМОТРЕТЬ.

Мракобесие, свет, тюльпан

Сидя в приемной, Артур зевнул. Было откровенно скучно, проводить время именно так, ожидая, пока Иван получит все инструкции относительно их работы с этой несчастной беременной женщиной. Но нельзя же предусмотреть абсолютно все. Артур вытащил помятую пачку. Невыносимо. Невыносимо то, что в приемной нельзя курить. Он посмотрел в окно. Ночные приемы всегда были долгими.

Повертев сигарету, он посмотрел на послушника, выполняющего роль секретаря. Это был высокий, худой юноша, с только-только прорастающей бороденкой. Артур улыбнулся. Несчастный видел его впервые, а потому постоянно косился, не в силах совладать с любопытством.

– Я покурю?

– Но здесь не положено.

– Я на улице.

– Но там тоже не положено.

– Хорошо. Тогда я просто постою с сигаретой.

Артур поднялся и пошел по коридору к крыльцу. Его немного тошнило, так как это было главное здание всей церковной цитадели, и оно не могло не влиять на его несчастный организм. Встав на крыльце, он пустил облако сигаретного дыма. Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны. Сколько же их тут, сотни? Он посмотрел на разноцветные клумбы. Епископ

был просто помешан на этих цветках, выращивая абсолютно все известные цвета.

Вдыхая запах цветов, перемешанный с дымом сигареты, Артур невольно вспомнил свой первый приезд. Казалось бы, все должно было пройти хорошо, но увы, его вырвало прямо на драгоценный ковер под ноги Его Преосвященства, навсегда испортив отношения с начальством. Святые мощи и кресты – священные реликвии сделали тогда свое светлое черное дело.

Артур сделал глубокий вдох. Погода, теплый ночной воздух – и вот головная боль начала немного сдавать назад. Он снова посмотрел на цветы. Какие же они все-таки были отвратные. Лучше уж розы посадили бы.

За спиной послышались шаги. Артур обернулся и увидел того самого послушника, стоявшего позади него с небольшим пакетиком. Прищурившись, Артур смерил его взглядом. У него конечно были идеи относительно такого поведения, но церковники могли и удивить.

– Это зачем? – он указал на пакетик.

– Для окурка, – тихо сказал послушник.

Артур ухмыльнулся. Не сдал. Решил сам проследить. Он с грустью посмотрел на половину сигареты. Всё же сложно идти против подобной вежливости, пусть и от столь штатного раба системы. Впрочем, все они тут такие. Артур затушил сигарету и протянул секретарю.

– Держи. Если тебе от этого спокойней, то забирай.

– Спасибо, – несколько виновато протянул послушник.

– Звать-то тебя как?

– Олег.

– Олег. Как вещей? – попытался несколько разбавить обстановку прокаженный, но лишь усугубил дело.

– Нет. Как послушник Олег, – серьезно сказал парень и аккуратно упаковал бычок.

– Артур, – прокаженный протянул руку и отправил несчастного в ещё большее замешательство, впрочем, после некоторого раздумья, Олег все же поздоровался, наградив его знакомым жаром.

– Надо же, – Артур снова ухмыльнулся, – да ты истинный.

– Истинный?

– Верующий. Редкий для своей братии, – Артур задумчиво посмотрел на небо, – вас мало среди церковников.

– Я вас не понимаю. Здесь все верующие.

– Если бы, – Артур вздохнул: его тело требовало никотиновой добавки, так как знало, что половина сигареты ушла в никуда, – только это не так.

– Но вы неправы, – но договорить Олег не успел, так как раздался звон колокольчика, полностью завладевший его вниманием. Он посмотрел на пакет и протянул его Артуру: – Подержите, пожалуйста. Меня вызывают.

– Конечно, – сказал Артур и принял пакетик, наблюдая как послушник, с, казалось бы, несвойственной для такой сковывающей одежды ловкостью побежал к дверям. Артур

покачал головой. Несчастный – он так торопился, что едва не упал, наступив на полы своей рясы.

Потом он услышал быстрые шаги Ивана. Священник спешил и, судя по всему, неплохо получил от начальства. С непривычки это особенно больно, но ничего: пройдет немного времени, и он привыкнет. Как, например, его предшественник. Уж на что, казалось бы, восприимчивый был человек, а потом уже совершенно боли не чувствовал.

Встретив Его Преподобие и не удосужившись даже встречной гневной реплики, Артур молча последовал за товарищем. Гнев так и исходил от святого отца, впитавшего все негодование высших чинов. Что ж, такова ирония этой ситуации. Вся порка от главных доставалась именно Ивану.

Дойдя до ворот, Иван все же остановился. Артур тоже замедлился. По опыту он знал: иногда надо дать выговориться, ведь священный сан не меняет внутренней сути. Человек просто обязан избавляться от внутренних противоречий. Тем более если он не курит и не пьет.

– Артур, – начал Иван, зачем-то подбирая слова, – Его Преосвященство очень негативно высказался о проведенной работе. Не говоря уже о таких вещах, как звонки высшим полицейским чинам в очень позднее время, которые очень плохо влияют на отношения между нашими структурами. Этот скандал еле удалось замять. Епископ лично звонил касательно этого убийства и просил не применять стандартные для таких вещей процедуры.

Артур понимающе кивнул.

– В общем, есть последствия, – подытожил Иван.

– Какие?

– Нас отстранят на неопределенное время, – выдохнул священник

– Черт! – Артур в сердцах раздавил сигарету. – Да за что? Это не наша вина: как ещё было там работать? Они что совсем не понимают, что это форс мажор? А если бы она ушла? Как бы они тогда всё объясняли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.